

ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЬ МИЛЛИОНОВ ЛЕТ ТАЙНЫ
ЖДАЛИ СВОЕГО ЧАСА

ДО НАС

— ТОМ ПЕРВЫЙ —
НАХОДКА
ЮРИЙ КАРМАЛИТА

ПОД ПАТАГОНИЕЙ ОНИ НАШЛИ ТО,
ЧЕГО НЕ ДОЛЖНО БЫЛО СУЩЕСТВОВАТЬ

Юрий Кармалита ДО НАС ТОМ1

<https://litres.ru/74217168>

SelfPub; 2026

Аннотация

В безлюдной части Патагонии разведочное бурение останавливается на глубине четырёхсот метров. Бур сталкивается с идеально гладкой поверхностью, которую не способен повредить, а георадар обнаруживает под землёй огромную конструкцию.

Геофизик Лаура Мендоса и руководитель проекта Эстебан Альварес понимают: это не природная аномалия. Объект скрыт под породами возрастом около шестидесяти пяти миллионов лет — со времён динозавров.

Территорию закрывают, находку засекречивают и называют Объектом-400. Вскоре рядом обнаруживают ещё один неизвестный аппарат, сохранившийся в земле миллионы лет.

Кто создал эти машины? Что находится внутри? И какое открытие ждёт людей под Патагонией?

«До нас. Том I. Находка» — научно-фантастический триллер о древней тайне Земли и величайшем открытии в истории человечества.

Юрий Кармалита

ДО НАС ТОМ1

Глава 1

ЮРИЙ КАРМАЛИТА
ДО НАС
ТОМ I
НАХОДКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЧЕТЫРЕСТА МЕТРОВ

Патагония никогда не выглядела одинаково.

Утром она была серебристо-синей, будто мир ещё не решил, наступил ли день.

К полудню — ослепительно суровой.

Бесконечные степи.

Низкие кустарники.

Скалы.

Ледяной ветер.

И снежные вершины на горизонте, похожие на зубы древнего чудовища.

К вечеру земля окрашивалась в янтарь и ржаво-красные оттенки, словно тлела изнутри.

Но неизменным здесь оставался ветер.

Постоянный.

Упрямый.

Вечный.

Он приходил с ледников, с гор, с океана, завывал в металлических конструкциях буровой, бился о стены контейнеров и звучал так, будто огромный мир пытался что-то сказать

людям.

И каждый раз они не понимали.

На десятки километров вокруг не было ничего, кроме пустоты.

Именно поэтому компания **Patagonia Deep Horizons** выбрала это место.

Официально они искали глубокие угольные пласты и возможные нефтегазовые залежи.

Неофициально руководство надеялось найти крупную геологическую аномалию — то, что оправдало бы годы рискованных инвестиций.

Лагерь стоял среди продуваемой всеми ветрами долины.

Белые модульные контейнеры.

Генераторы.

Спутниковые антенны.

Мобильная лаборатория.

И главное — буровая установка высотой почти с десятиэтажный дом.

Она казалась инородным объектом среди дикого пейзажа.

Металл против камня.

Человек против вечности.

Доктор Эстебан Альварес стоял на небольшой возвышенности, засунув руки в карманы тяжёлой тёмной куртки.

Ветер трепал его седые волосы.

Он смотрел вдаль.

Туда, где на горизонте ледники ловили последние солнечные лучи.

— Красиво, правда?

Голос прозвучал за спиной.

Эстебан даже не обернулся.

— Красиво, — спокойно ответил он. — Но это место тебя убьёт, если начнёшь им восхищаться слишком долго.

Лаура Мендоса усмехнулась.

Ей было тридцать два.

Геофизик.

Специалист по подземному сканированию.

Она приехала сюда из Буэнос-Айреса три недели назад и до сих пор не привыкла к тому, что ветер может буквально толкать человека в спину.

Она поправила капюшон.

— Вы всегда такой оптимист?

— Я геолог, — ответил Эстебан. — Мы оптимисты только на собеседованиях.

Лаура засмеялась.

Внизу, возле буровой, кто-то громко выругался.

Потом послышался металлический удар.

Эстебан нахмурился.

— Значит, Мартин опять спорит с техникой.

— Или техника спорит с Мартином?

— Поверьте, в этом лагере всегда виноват Мартин.

Они спустились вниз.

У буровой царил привычный рабочий хаос.

Инженер Мартин Ортега, высокий широкоплечий мужчина с трёхдневной щетиной, стоял возле панели управления и ожесточённо жестикулировал.

— Я тебе ещё раз говорю — это не датчик! — раздражённо говорил он оператору. — Если давление скачет, значит скачет. Компьютер не пьёт текилу.

— Иногда кажется, что пьёт, — пробормотал оператор.

— Что здесь? — спокойно спросил Эстебан.

Мартин резко повернулся.

— А, доктор Альварес. Всё прекрасно. Просто ваша любимая машина решила, что законы физики её больше не касаются.

— Конкретнее.

Мартин ткнул пальцем в монитор.

— Мы на трёхстах девяноста восьми метрах. Порода идёт плотная, но посмотрите.

На графике прыгали значения нагрузки.

Слишком резко.

Слишком странно.

Лаура наклонилась ближе.

— Такое ощущение, будто бур периодически сталкивается с препятствием.

— Именно! — сказал Мартин. — Но препятствия там быть не должно.

— Скальный слой? — спросил Эстебан.

Мартин покачал головой.

— Не похож.

— Почему?

Инженер посмотрел на него так, будто сам не верил собственным словам.

— Потому что скала так себя не ведёт.

Он помолчал.

Потом добавил:

— Это звучит идиотски... но ощущение такое, будто мы иногда цепляем металл.

Лаура усмехнулась.

— На глубине почти четырёхста метров?

— Да, спасибо. Я тоже знаю, как глупо это звучит.

Эстебан посмотрел на буровую.

Машина тяжело гудела.

Где-то внутри вращался бур, медленно уходя в толщу земли.

С запада надвигались тучи.

Патагония быстро меняла настроение.

Минуту назад — холодное спокойствие.

Теперь небо стало стальным.

— Продолжаем, — сказал Эстебан.

Мартин посмотрел на него.

— Вы серьёзно?

— Пока да.

— Если мы убьём коронку, я буду говорить, что пре-
преждал.

— Вы и так всегда это говорите.

Мартин недовольно выдохнул.

Потом надел гарнитуру.

— Продолжаем бурение. Медленно. И следите за темпе-
ратурой.

Буровая ожила громче.

Машина задрожала.

На мониторе поползли цифры.

399 метров.

399,4.

399,7.

В контейнере стало тихо.

Даже шутки прекратились.

400 метров.

Внезапно раздался звук.

Не удар.

Не скрежет.

Что-то между ними.

Будто гигантский металлический колокол ударили глубо-
ко под землёй.

ГЛУУУМ.

Контейнер содрогнулся.

Мониторы мигнули.

Мартин выругался.

— Стоп! Стоп! Остановить!

Бур замер.

Несколько секунд никто не говорил.

Только ветер бился в стены.

Оператор сглотнул.

— Давление зашкалило.

Лаура тихо спросила:

— Что это было?

Мартин медленно повернулся к ней.

На его лице исчез привычный сарказм.

— Хороший вопрос.

Он ткнул пальцем в экран.

— Потому что бур только что столкнулся с чем-то настолько твёрдым, что у нас начал плавиться наконечник.

Повисла тишина.

Эстебан нахмурился.

— Температура?

— Девятьсот градусов.

— Сколько?

— Девятьсот.

Лаура медленно подняла глаза от монитора.

— На глубине четырёхсот метров?

Мартин нервно усмехнулся.

— Добро пожаловать в клуб людей, которые перестают понимать происходящее.

Эстебан ничего не ответил.

Он смотрел на монитор, где ещё дрожали графики температуры и нагрузки, словно сама система не верила тому, что зарегистрировала.

За окнами контейнера сгущались сумерки.

В Патагонии вечер приходил быстро — будто кто-то незаметно убирал свет из мира.

Далёкие скалы темнели.

Ледяные вершины ещё удерживали слабое золото солнца, но степь уже уходила в серо-синюю тень.

— Ладно, — наконец произнёс Эстебан. — Покажите наконечник.

Мартин хмыкнул.

— Не уверен, что вам понравится.

Они вышли наружу.

Холод ударил в лицо.

Воздух пах мокрым металлом, топливом и снегом.

Несколько рабочих уже стояли возле платформы, где лежала поднятая буровая головка.

Кто-то нервно курил.

Кто-то молча смотрел.

Обычно после поломки слышались шутки, ругань, обсуждения.

Сейчас стояла странная тишина.

Будто люди чувствовали: произошло что-то неправиль-

ное.

Мартин поднял фонарь.

— Смотрите.

Эстебан присел.

Металлические зубья бура были изуродованы.

Часть словно срезало.

Несколько элементов почернели.

А один участок выглядел так, будто металл оплавился.

Не сломался.

Не треснул.

Именно оплавился.

Лаура тихо присвистнула.

— Господи...

Она осторожно коснулась края перчаткой.

— Такое впечатление, будто его сунули в промышленную печь.

— На две секунды, — сухо ответил Мартин. — Потом температура исчезла.

— Это невозможно.

— Спасибо, доктор. Очень помогает.

Эстебан продолжал смотреть на бур.

Слишком долго.

Слишком внимательно.

Потом медленно поднялся.

— Температура могла быть ошибкой.

— Нет, — резко сказал Мартин.

— Откуда уверенность?

— Потому что я двадцать лет работаю с буровыми.

Он говорил уже без шуток.

Серьёзно.

Даже устало.

— Датчики иногда врут. Но не так. Здесь скачок был реальным. Мы ударились обо что-то... и бур начал перегреваться почти мгновенно.

— Скальная линза?

— Нет.

— Почему?

Мартин раздражённо провёл рукой по волосам.

— Потому что скала не делает вот этого.

Он ткнул пальцем в расплавленный металл.

— Вы хоть раз видели, чтобы обычная порода плавил буровую головку?

Лаура молчала.

Ветер рвал волосы, выбившиеся из-под капюшона.

Она смотрела не на бур.

На тёмную степь вокруг лагеря.

Потом неожиданно сказала:

— А если это не порода?

Все повернулись к ней.

Несколько секунд слышался только свист ветра.

Мартин нервно усмехнулся.

— Хорошо. И что тогда? Секретная база под Патагонией?

— Я не шучу.

— Я тоже.

Эстебан внимательно посмотрел на неё.

— Что вы имеете в виду?

Лаура немного помедлила.

— Георадар.

— Что с ним?

— Последние два дня данные странные.

Мартин закатил глаза.

— Опять.

— Я серьёзно.

Она достала планшет.

Пальцы быстро пробежали по экрану.

— Смотрите.

На дисплее появилось изображение слоёв породы.

Цветные линии.

Тени.

Контуры.

А потом — нечто другое.

Глубоко внизу.

Почти ровная горизонтальная форма.

Слишком ровная.

Слишком правильная.

Она уходила далеко за пределы отображения.

Эстебан нахмурился.

— Это может быть шум.

— Я так думала.

— И?

— Он повторяется.

Мартин подошёл ближе.

Прищурился.

— Подождите.

Он ткнул пальцем в экран.

— Эта линия...

— На глубине примерно четыреста метров, — тихо сказала Лаура.

Повисла пауза.

Долгая.

Неприятная.

Ветер ударил по буровой.

Металл жалобно застонал.

Эстебан молча смотрел на изображение.

Потом коротко спросил:

— Размер?

— Не знаю.

— Приблизительно.

Лаура сглотнула.

— Огромный.

Мартин фыркнул.

— Что значит «огромный»?

Она подняла глаза.

В её взгляде впервые появилась настоящая тревога.

— Настолько большой, что я не вижу конца структуры.
Тишина.

Даже Мартин ничего не сказал.

Эстебан медленно повернулся к степи.

Сумерки почти исчезли.

Патагония становилась чёрной.

Только снег на далёких вершинах ещё светился в остатках дня.

Место вдруг показалось ему слишком пустым.

Слишком древним.

— Хорошо, — наконец сказал он.

— Хорошо? — переспросил Мартин. — Это всё?

— Мы проверим.

— Как?

Эстебан посмотрел на буровую.

Потом снова на карту.

— Новая скважина.

— Где?

— Пятьсот метров западнее.

Лаура резко подняла голову.

— Вы думаете...

— Я ничего пока не думаю, — сказал Эстебан. — И вам советую. Пока у нас есть только данные. Станные, но данные.

Мартин медленно кивнул в сторону расплавленного накопника.

— Очень странные данные.

Эстебан посмотрел на него.

— Именно поэтому проверим.

Лаура тихо спросила:

— А если там будет то же самое?

Эстебан не ответил сразу.

Он перевёл взгляд на чёрную равнину.

И впервые за много лет работы произнёс фразу, которая удивила даже его самого:

— Тогда у нас будет проблема.

— Какая? — спросила Лаура.

Он посмотрел на планшет.

На линию, уходящую за пределы изображения.

— Такая, для которой у нас пока нет названия.

Ночь выдалась тяжёлой.

Патагония не знала полутонов.

Либо спокойствие, от которого начинало звенеть в ушах.

Либо ветер, способный согнуть человека пополам.

К полуночи лагерь накрыл штормовой фронт.

Генераторы гудели низко и нутжно.

Прожекторы разрезали темноту белыми конусами света, в которых снег, пыль и мелкий ледяной дождь кружились так, словно воздух сошёл с ума.

Никто толком не спал.

В контейнере столовой стоял запах дешёвого кофе, машинного масла и усталости.

Лаура сидела за ноутбуком, раз за разом просматривая данные георадара.

На экране снова тянулась странная ровная структура.

Слишком идеальная.

Слишком геометричная.

Она увеличивала изображение, накладывала фильтры, запускала моделирование.

Ничего не менялось.

Под землёй что-то находилось.

Что-то огромное.

Что-то неправильное.

Дверь контейнера открылась.

Холодный воздух ворвался внутрь вместе с Эстебаном.

Он снял перчатки и молча поставил кружку с кофе на стол.

— Вы тоже не спите? — спросила Лаура.

— После сегодняшнего?

Он коротко усмехнулся.

— Нет.

Несколько секунд они молчали.

За стеной выл ветер.

Металл где-то тихо дрожал.

Лаура наконец сказала:

— Вы ведь понимаете, что это не совпадение?

Эстебан долго смотрел на экран.

— Пока я понимаю только одно: данных недостаточно.

— Но вы тоже видели графики.

— Видел.

— И?

Он тяжело выдохнул.

— И мне это не нравится.

Лаура опёрлась локтями на стол.

— Вы верите, что под нами искусственная конструкция?

— Я верю в факты.

— Это уход от ответа.

— Это опыт.

Она раздражённо закрыла ноутбук.

— Иногда мне кажется, что вы специально делаете вид, будто ничего странного не происходит.

Эстебан спокойно посмотрел на неё.

— А иногда мне кажется, что вы слишком быстро начинаете фантазировать.

Повисла тишина.

Лаура уже собиралась ответить, когда дверь снова распахнулась.

На пороге стоял Мартин.

Промокший.

Раздражённый.

С сигаретой за ухом.

— Ну что, учёные, — сказал он, стряхивая снег с куртки.

— Плохая новость.

— Какая? — спросил Эстебан.

— Площадка готова.

— Это плохая новость?

— Для моего сна — да.

Он поставил кружку на стол.

— Завтра с утра переносим установку.

К рассвету буровую начали перемещать.

Небо над Патагонией стало серо-голубым.

Облака низко ползли над землёй.

На востоке солнце медленно окрашивало снег на вершинах гор в золотой цвет.

Место для новой точки находилось ровно в пятистах метрах к западу.

Пятьсот метров.

Достаточно далеко, чтобы исключить локальную аномалию.

Но достаточно близко, чтобы проверить гипотезу Лауры.

Рабочие молчали.

Слишком молчали.

Даже самые разговорчивые.

Люди чувствовали напряжение.

Словно происходило что-то, чему никто не мог подобрать название.

К полудню буровая снова заработала.

Гул двигателя разнёсся по долине.

Стальной бур медленно начал уходить вниз.

Лаура стояла возле мониторов.

Эстебан рядом.

Мартин нервно барабанил пальцами по панели.

— Сто метров, — сообщил оператор.

Пауза.

— Сто восемьдесят.

— Двести пятьдесят.

Ветер снова усилился.

Он проходил между металлическими конструкциями, заставляя их низко гудеть.

Триста метров.

Триста пятьдесят.

Триста восемьдесят.

Мартин выдохнул.

— Ну вот. Сейчас станет интересно.

Никто не улыбнулся.

Триста девяносто.

Триста девяносто семь.

Триста девяносто девять.

Лаура почувствовала, как ладони стали холодными.

На мониторе медленно мигнули цифры:

400 м

И в тот же миг —

ГЛУУУМ.

Тот самый звук.

Глубокий.

Низкий.

Словно где-то внизу гигантский металлический объект ответил на прикосновение.

Контейнер вздрогнул.

Свет мигнул.

Кружка на столе упала.

Оператор вскрикнул:

— Давление скачет!

— Стоп! — рявкнул Мартин. — Немедленно стоп!

Бур замер.

Повисла густая тишина.

Мартин медленно повернулся к Эстебану.

На его лице не осталось ни сарказма, ни усталости.

Только неверие.

— Четыреста метров, — тихо сказал он.

— Ровно?

— Ровно.

Лаура быстро посмотрела на экран температур.

И почувствовала, как внутри всё похолодело.

— Девятьсот тринадцать градусов.

Мартин тихо выругался.

Эстебан молчал.

Слишком долго.

Первая скважина могла быть ошибкой.

Сбой датчика.

Редкая порода.

Поломка оборудования.

Локальная аномалия.

Вторая — уже нет.

— Расстояние между скважинами? — спросил он.

— Четыреста девяносто семь метров.

— И та же глубина.

Лаура резко повернулась.

— Нужно опустить камеру.

Оба мужчины посмотрели на неё.

— Что? — спросил Мартин.

— Камеру в скважину.

— Зачем?

Она почти повысила голос:

— Потому что мы спорим о том, чего никто не видел.

Тишина.

Лаура продолжила:

— Если там порода — мы это увидим. Если металл —

тоже увидим. Но сейчас мы просто гадаем.

Эстебан смотрел на неё несколько секунд.

Потом медленно кивнул.

— Готовьте оборудование.

К вечеру ветер стих.

Что случилось редко.

Будто сама Патагония внезапно решила замолчать.

Небо очистилось.

Над лагерем загорелись холодные звёзды.

Рабочие собрались возле монитора.

Камеру закрепили на длинном кабеле.

Маленький цилиндрический корпус блестел под прожектором.

— Проверка сигнала, — сказал техник.

Экран ожил.

Сначала серый шум.

Потом изображение.

Край скважины.

Камера медленно начала опускаться.

50 метров.

Стены породы проходили мимо.

Сырая каменная поверхность.

Трещины.

Минералы.

Ничего необычного.

Напряжение росло.

Никто больше не разговаривал.

Даже Мартин.

180 метров.

Изображение начало слегка мерцать.

Техник нахмурился.

— Странно...

Камера дрогнула.

390 метров.

И все одновременно перестали дышать.

Экран осветился серебристым бликом.

Что-то огромное находилось прямо перед объективом.

Не камень.

Не порода.

И даже не просто металл.

Поверхность была идеально гладкой.

Почти зеркальной.

Словно отполированной.

Свет прожектора скользил по ней и отражался мягким холодным сиянием.

Она уходила вверх.

Вниз.

В стороны.

Без конца.

Без края.

Как будто камера смотрела на стену невозможных размеров.

На поверхности едва заметно проступали тонкие линии.

Не царапины.

Не трещины.

Слишком правильные.

Слишком ровные.

Будто узор.

Или символы.

Лаура шагнула ближе к экрану.

Голос прозвучал почти шёпотом:

— Это невозможно...

Мартин побледнел.

— Господи...

Эстебан ничего не сказал.

Он смотрел.

И впервые за всю карьеру не находил рационального объяснения.

На экране была не порода.

Не базальт.

Не кварц.

Не металл, который мог оказаться здесь случайно.

Гладкая серебристая поверхность уходила во все стороны за пределы кадра.

Лаура тихо сказала:

— Это не камень.

Эстебан не ответил.

Потому что на глубине четырёхсот метров под Патагонией лежало то, чего там быть не должно.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОБЪЕКТ

Никто не сказал ни слова.

Экран продолжал светиться в полумраке технического контейнера.

Серебристая поверхность оставалась перед объективом камеры.

Гладкая.

Холодная.

Невозможная.

Тонкие линии на ней едва заметно уходили в сторону, теряясь за краем изображения.

Техник, управлявший кабелем, держал руки над пультом, но не двигался.

Мартин Ортега стоял рядом с монитором.

Обычно он первым находил слова.

Шутку.

Ругательство.

Саркастическое замечание.

Сейчас он молчал.

Лаура Мендоса смотрела на экран так, будто боялась

моргнуть и потерять изображение.

Эстебан Альварес стоял чуть позади.

Лицо его оставалось спокойным.

Слишком спокойным.

Но Лаура уже знала его достаточно хорошо, чтобы понять.
спокойствие было только внешним.

Внутри он тоже падал.

Просто не позволял себе показать этого перед людьми.

На мониторе серебристая поверхность отразила свет прожектора.

Мягко.

Почти чисто.

Слишком чисто для того, что должно было находиться под
четырьмястами метрами породы.

Оператор наконец выдохнул:

— Что это?

Никто не ответил.

Потому что правильного слова не было.

Скала?

Нет.

Минерал?

Нет.

Металл?

Возможно.

Но если это был металл, тогда вопрос становился страшнее.

Как?

Зачем?

И кто?

Мартин медленно повернулся к Эстебану.

— Скажите что-нибудь умное.

Эстебан не отвёл взгляда от экрана.

— Поднимите камеру на метр.

Техник моргнул.

— Что?

— На метр вверх.

— Зачем?

— Мы должны понять, это выступ, плита или поверхность большой структуры.

Мартин коротко усмехнулся.

— Мне нравится, как вы осторожно обходите слово «невозможно».

Эстебан посмотрел на него.

— Я осторожно обхожу все слова, которые потом могут попасть в отчёт.

После этой фразы люди словно немного очнулись.

Техник кивнул и начал медленно поднимать камеру.

Изображение дрогнуло.

Серебристая поверхность ушла вниз.

Появилась стенка скважины.

Порода.

Трещины.

Тёмные включения.

Минеральные полосы.

Ничего необычного.

— Стоп, — сказал Эстебан.

Камера замерла.

— Теперь обратно.

Камера снова опустилась.

Порода.

Тень.

Мерцание.

И снова — серебристая поверхность.

Ровно на той же глубине.

400 метров.

Эстебан сжал губы.

— Ещё раз.

Техник повторил.

Вверх.

Вниз.

Вверх.

Вниз.

Каждый раз изображение было одинаковым.

Порода заканчивалась.

Начиналась гладкая металлическая поверхность.

Не случайный обломок.

Не камень с необычным блеском.

Не жила.

Граница была слишком резкой.

Слишком правильной.

Лаура тихо сказала:

— Это контакт.

Эстебан повернулся к ней.

— Между чем и чем?

Она не сразу ответила.

— Между породой и объектом.

Мартин медленно выдохнул.

— Объектом.

Он повторил это слово, будто пробовал на вкус.

— Значит, теперь у нас есть объект.

Эстебан резко посмотрел на него.

— Пока у нас есть изображение неизвестной поверхности на глубине четыреста метров.

— Доктор, это не поверхность неизвестно чего. Это металл.

— Вы провели анализ?

— Я видел достаточно металла за свою жизнь.

— И достаточно пород?

Мартин прищурился.

— Вы серьёзно будете спорить?

Эстебан ответил спокойно:

— Я буду делать всё, чтобы мы не сказали глупость раньше времени.

Лаура всё ещё смотрела на экран.

— Это не глупость.

Эстебан повернулся к ней.

Она указала на изображение.

— Посмотрите на отражение. На ровность. На линии. На отсутствие разрушения. Если это природный слой, он должен иметь неоднородность. Шероховатость. Минеральные включения. Хоть что-то.

— Камера даёт ограниченное качество.

— Достаточное, чтобы понять: это не обычная геология.

Мартин тихо добавил:

— И буровая головка это подтвердила.

Эстебан замолчал.

Снаружи ветер снова ударил по стенам контейнера.

Но теперь никто даже не повернулся.

Все смотрели на серебристую поверхность.

На то, что лежало под ними.

На то, что не должно было существовать.

Запись пересматривали шесть раз.

Потом ещё три.

Потом Лаура потребовала сохранить копии сразу на два локальных накопителя.

Эстебан добавил третий.

Без облака.

Без отправки в центральный офис.

Без автоматической синхронизации.

Когда техник попытался открыть стандартную форму отчёта, Эстебан остановил его.

— Не сейчас.

— Но протокол...

— Я сказал — не сейчас.

Техник растерянно посмотрел на Мартина.

Мартин впервые за вечер не стал спорить.

— Делай, как он сказал.

Эстебан закрыл дверь контейнера.

Потом обернулся к рабочим.

И голос его стал другим.

Не громким.

Но таким, что все выпрямились.

— Все, кто видел изображение, остаются здесь.

Оператор нахмурился.

— В каком смысле?

— В прямом.

Эстебан смотрел на каждого.

— Никаких звонков. Никаких сообщений. Никаких фотографий. Никаких разговоров в столовой. Никаких шуток в курилке.

Кто-то из рабочих нервно усмехнулся.

Эстебан не улыбнулся.

— Я не шучу.

Усмехнувшийся сразу замолчал.

— До утра всё, что произошло, остаётся внутри этой группы. Официально у нас повреждение буровой головки, техническая проверка и дополнительный анализ георадара.

Мартин поднял бровь.

— Значит, мы уже начинаем врать?

— Мы начинаем не распространять неподтверждённую информацию.

— Хорошая формулировка.

— Запомните её.

Лаура посмотрела на Эстебана внимательнее.

— Вы понимаете, что это не просто техническая проблема?

— Именно поэтому я и говорю.

Оператор тихо спросил:

— Доктор Альварес, вы думаете, это опасно?

Эстебан не ответил сразу.

Он посмотрел на экран.

На серебристый кадр, поставленный на паузу.

— Я не знаю.

Эти три слова действовали сильнее любого приказа.

Потому что Эстебан редко говорил «не знаю».

Он мог сказать:

данных недостаточно;

проверим;

не делаем выводов;

возможно;

маловероятно.

Но сейчас он сказал просто:

не знаю.

И всем стало ясно: ситуация вышла за пределы привычного.

Через двадцать минут в лабораторном контейнере остались только четверо.

Эстебан.

Лаура.

Мартин.

И старший техник, который молча переносил данные на локальные диски.

На столе лежала расплавленная буровая головка.

Рядом — планшет Лауры с георадарными слоями.

На большом мониторе застыло изображение поверхности.

Три доказательства.

И ни одного объяснения.

Мартин поставил перед собой кружку с кофе.

Посмотрел внутрь.

Поморщился.

— Холодный.

Лаура не отрывалась от экрана.

— Это сейчас самая маленькая проблема.

— Я знаю. Просто хотел начать с понятного.

Эстебан стоял у стола, скрестив руки.

— Давайте по порядку.

Мартин поднял глаза.

— По порядку? Отлично. Первый пункт: мы нашли чёрт знает что. Второй пункт: оно плавит буровые наконечники. Третий пункт: оно лежит на глубине четыреста метров в двух разных скважинах, между которыми почти пятьсот метров. Четвёртый пункт: георадар показывает, что это огромное. Пятый пункт: я хочу выпить что-нибудь крепче кофе.

— Без пятого пункта, — сказал Эстебан.

— Тогда отчёт будет неполным.

Лаура наконец повернулась к ним.

— Он прав.

Мартин удивлённо посмотрел на неё.

— По поводу алкоголя?

— По поводу первых четырёх пунктов.

Она увеличила георадарный слой.

На экране снова появилась ровная горизонтальная форма.

— Я проверила фильтры. Несколько раз. Это не шум.

Эстебан подошёл ближе.

— Насколько уверены?

— На восемьдесят процентов.

— Этого мало.

— Для публикации — да. Для тревоги — достаточно.

Мартин кивнул.

— Мне нравится эта научная шкала.

Лаура проигнорировала его.

— Самое странное не то, что мы видим отражение. Странно то, как оно повторяется. Поверхность слишком ровная для естественного слоя. И слишком протяжённая.

Эстебан посмотрел на карту.

— Вы можете построить примерный контур?

— Пока нет. У нас мало точек. Но по двум скважинам и данным сканирования понятно, что структура уходит дальше на запад и восток. Возможно, на сотни метров. Возможно, больше.

Мартин медленно произнёс:

— Больше сотен метров?

Лаура посмотрела на него.

— Возможно.

— Я ненавижу слово «возможно».

Эстебан сказал:

— Оно лучше, чем ложная уверенность.

Мартин ткнул пальцем в буровую головку.

— А это что? Тоже возможно?

Эстебан подошёл к столу.

Оплавленный наконечник выглядел ещё хуже под лабораторным светом.

— Это факт.

— Спасибо.

— Но факт не говорит нам, что именно внизу.

Мартин наклонился над буром.

— Он говорит, что внизу что-то твёрже нашей коронки и способно вызвать локальный тепловой скачок почти до тысячи градусов.

Лаура добавила:

— И при этом поверхность на камере не имеет видимых повреждений.

Эстебан медленно повернулся к ней.

— Повторите.

— На поверхности нет следа от удара.

— Камера не даёт такого разрешения.

— Даёт достаточно.

Она открыла увеличенный кадр.

— Смотрите. Здесь точка контакта должна быть примерно в этой зоне. Если буровая головка перегрелась и оплавилась, поверхность должна быть хотя бы повреждена. Царапина. Трещина. След. Деформация.

Мартин наклонился ближе.

— Ничего.

— Ничего, — подтвердила Лаура.

Эстебан долго смотрел на изображение.

Теперь это уже было не просто странно.

Это было хуже.

Если поверхность выдержала удар без повреждений, то она не просто твёрдая.

Она обладала свойствами, которые они не могли объяснить.

Мартин тихо сказал:

— Она даже не заметила нас.

Никто не ответил.

Потому что фраза была слишком точной.

Они работали до глубокой ночи.

Лаура строила модели.

Мартин проверял показания буровой.

Эстебан сопоставлял координаты скважин, геологические карты и записи прошлых исследований района.

Каждый искал ошибку.

И никто её не находил.

Около трёх часов ночи Лаура откинулась на спинку стула и закрыла глаза.

— Мне нужно сказать одну вещь.

Эстебан не поднял головы.

— Говорите.

— Вам не понравится.

— Сегодня это уже стало нормой.

Она открыла карту слоёв.

— Если наши данные по стратиграфии верны, объект находится ниже слоя, который мы предварительно относили к очень древним осадочным породам.

Мартин посмотрел на неё.

— Насколько древним?

Лаура замолчала.

Эстебан поднял глаза.

— Лаура.

Она медленно сказала:

— Десятки миллионов лет.

Мартин усмехнулся.

— Отлично. Наконец-то стало проще.

Эстебан подошёл к экрану.

— Конкретнее.

— Пока нельзя конкретнее. Нужен анализ керна, микрофауна, минералогия, изотопы, всё как положено.

— Предварительно.

Лаура смотрела на цифры.

— Возможно, больше шестидесяти миллионов лет.

В лаборатории стало тихо.

Даже генератор за стеной будто зазвучал глуше.

Мартин первым нарушил молчание:

— Подождите. Вы сейчас хотите сказать, что эта штука лежит под слоем возрастом больше шестидесяти миллионов лет?

— Я хочу сказать, что по текущим данным это возможно.

— Опять возможно.

— Потому что я не собираюсь утверждать это без анализа.

Эстебан смотрел на карту.

— Шестьдесят миллионов лет...

Он произнёс это не как вывод.

Как попытку услышать фразу со стороны.

Фраза звучала абсурдно.

Неприлично абсурдно.

Металлическая поверхность.

Гладкая.

Без коррозии.

Под древними породами.

На глубине четырёхсот метров.

С протяжённостью не менее сотен метров.

Мартин медленно поднял руку.

— Я просто уточню. Человечества тогда не было.

Лаура посмотрела на него.

— Современного человека точно не было.

— Не было городов.

— Нет.

— Не было металлургии.

— Нет.

— Не было идиотов с буровыми установками.

— Тоже нет.

Мартин кивнул.

— Хорошо. Просто хотел убедиться, что мы все в одной реальности.

Эстебан тихо сказал:

— Не уверен, что мы всё ещё в ней.

Лаура посмотрела на него.

Он впервые произнёс что-то подобное.

И от этого стало ещё тревожнее.

К утру усталость превратила лица в маски.

За окнами серел рассвет.

Ветер немного стих.

Патагония выглядела почти спокойной.

Как будто за ночь ничего не произошло.

Как будто под землёй не лежал объект, который не вписывался ни в одну карту, ни в одну теорию, ни в одну нормальную человеческую мысль.

Эстебан стоял у окна лаборатории.

Лаура сидела за столом, обхватив кружку с кофе обеими руками.

Мартин дремал на стуле, но при каждом изменении звука генератора открывал один глаз.

Техник ушёл час назад, получив приказ никому ничего не рассказывать.

Старший буровой мастер тоже был предупреждён.

Остальная смена знала только, что бурение приостановлено из-за технической аномалии.

Это слово Эстебан выбрал специально.

Аномалия.

Достаточно честно, чтобы не быть ложью.

Достаточно расплывчато, чтобы ничего не сказать.

Лаура нарушила молчание:

— Мы не сможем долго держать это внутри лагеря.

— Знаю, — сказал Эстебан.

— Рабочие видели камеру.

— Не все.

— Достаточно.

Он повернулся.

— Поэтому сегодня меняем доступ к данным. Полные записи остаются у нас. Остальным — техническое объяснение.

Мартин открыл глаз.

— А какое у нас техническое объяснение?

Эстебан посмотрел на него.

— Нестабильная геологическая аномалия.

Мартин сел ровнее.

— Красивая фраза. Абсолютно ничего не значит.

— Именно.

Лаура покачала головой.

— Это ненадолго.

— Мне нужно не навсегда. Мне нужно время.

— Для чего?

Эстебан не ответил сразу.

Потом сказал:

— Чтобы понять, кому звонить.

Эта фраза была важнее, чем казалась.

До этого всё оставалось внутри лагеря.

Странность.

Авария.

Гипотеза.

Теперь речь шла о следующем шаге.

Вывести находку наружу.

Но куда?

В компанию?

В государственные структуры?

В университет?

В научное сообщество?

Всем сразу?

Никому?

Мартин потёр лицо ладонями.

— Если мы позвоним в центральный офис, через час здесь будут юристы, безопасники и кто-нибудь из совета директоров с выражением лица “как бы это монетизировать”.

Эстебан посмотрел на него.

— Именно поэтому я пока не звоню.

Лаура подняла глаза.

— А если не позвонить, нас обвинят в сокрытии данных.

— Нас обвинят в любом случае, если мы ошибёмся.

Мартин кивнул.

— Приятная развилка.

Лаура сказала:

— Нужен независимый эксперт.

Эстебан повернулся к ней.

— Геолог?

— Геолог. Стратиграф. Желательно человек, который не

работает на компанию и не побежит сразу в прессу.

Мартин усмехнулся.

— Такие существуют?

Лаура не улыбнулась.

— Один — да.

Эстебан внимательно посмотрел на неё.

— Кто?

Она помедлила.

— Профессор Марк Стивенс. Гарвард.

Мартин присвистнул.

— Сразу Гарвард. Скромно.

Эстебан нахмурился.

— Вы его знаете?

— Да.

— Насколько хорошо?

— Достаточно, чтобы он взял трубку.

— И достаточно, чтобы промолчал?

Лаура выдержала паузу.

— Если поймёт масштаб — да.

Эстебан подошёл к столу.

— Нет.

Лаура резко подняла голову.

— Почему?

— Потому что мы ещё не знаем масштаб.

— Именно поэтому нужен эксперт.

— Нужен. Но звонок профессору из Гарварда — это уже

не внутренняя проверка. Это внешний контакт.

— А что вы предлагаете? Сидеть здесь и спорить, металл это или чудо природы?

— Я предлагаю сначала взять керн из окружающего слоя и провести первичный анализ.

Лаура сжала губы.

— Это займёт время.

— Да.

— А объект всё это время будет лежать под нами.

Эстебан посмотрел на неё.

— Он лежит там не первый день.

Эта фраза повисла в воздухе.

Мартин тихо сказал:

— Возможно, не первый миллион лет.

Никто не ответил.

К полудню они снова собрались в лаборатории.

На столе появились новые образцы пород из обеих скважин.

Серые.

Бурые.

Слоями.

Ничем не примечательные для человека со стороны.

Но теперь каждый кусок камня казался уликой.

Лаура работала с микроскопом.

Эстебан отмечал глубины.

Мартин стоял рядом, притворяясь, что не понимает, зачем ему это нужно, но всё равно не уходил.

— Я инженер, — сказал он через некоторое время. — Зачем я смотрю на камни?

— Потому что вы не хотите оставаться один у буровой, — ответила Лаура.

— Неправда.

— Правда.

— Ладно, частично правда.

Эстебан не отрывался от записей.

— Тишина.

Мартин поднял руки.

Лаура переместила образец под микроскопом.

Сначала ничего необычного.

Минеральная структура.

Мелкие включения.

Осадочные слои.

Потом она остановилась.

— Подождите.

Эстебан поднял голову.

— Что?

Лаура увеличила изображение.

На экране появились крошечные сферические частицы.

Стекловидные.

Почти идеально округлые.

Мартин наклонился.

— Это что, пузырьки?

Лаура не ответила сразу.

Она переключила освещение.

Частицы блеснули.

— Микросферулы.

Эстебан подошёл ближе.

Его лицо изменилось.

Совсем немного.

Но Лаура заметила.

— Вы уверены?

— Нужно подтверждение. Но похоже.

Мартин переводил взгляд с одного на другого.

— Мне кто-нибудь объяснит для людей без любви к камням?

Лаура медленно сказала:

— Такие частицы могут образовываться при мощных ударных событиях. Когда расплавленное вещество выбрасывается в атмосферу, остывает и падает обратно.

Мартин нахмурился.

— Ударных событиях?

Эстебан тихо произнёс:

— Метеорит.

Мартин посмотрел на него.

— Какой метеорит?

Эстебан не ответил.

Лаура тоже.

Они оба думали об одном и том же.

О конце мелового периода.

О слое, который многие геологи знали слишком хорошо.

О времени, когда Земля изменилась навсегда.

Мартин посмотрел на их лица.

— Мне не нравится, когда геологи молчат.

Лаура откинулась от микроскопа.

— Если это тот слой, о котором я думаю...

Эстебан резко сказал:

— Не спешите.

— Я не спешу.

— Спешите.

Она посмотрела на него.

— Эстебан, рядом с объектом есть стекловидные микро-сферулы. Возраст слоя может быть связан с границей мелового и палеогенового периода.

Мартин медленно поднял руку.

— Перевод?

Лаура повернулась к нему.

— Примерно шестьдесят пять — шестьдесят шесть миллионов лет назад.

Мартин моргнул.

— Динозавры?

— Да.

Он сел.

Просто сел на ближайший стул.

— Прекрасно.

Потом посмотрел на экран с серебристой поверхностью.

— То есть под слоем времён динозавров лежит металлическая штука размером с город?

Эстебан резко сказал:

— Мы не знаем размер.

Мартин показал на георадар.

— Но знаем, что она большая.

— Большая — не значит размером с город.

Лаура тихо добавила:

— Пока.

Эстебан посмотрел на неё.

Она не отвела взгляда.

Во второй половине дня Эстебан приказал остановить бурение полностью.

Официальная причина — нестабильные температурные аномалии и риск повреждения оборудования.

Рабочие ворчали.

Мартин ругался для вида.

Но никто не спорил всерьёз.

После двух одинаковых ударов на глубине четырёхста метров даже самые упрямые люди поняли: продолжать вслепую опасно.

Лагерь изменился.

Не внешне.

Контейнеры остались теми же.

Генераторы гудели так же.

Ветер шёл теми же порывами.

Но люди стали говорить тише.

Слишком часто оглядывались на буровую.

Слишком долго смотрели на землю под ногами.

Одна вещь уже проникла в сознание каждого, кто был рядом с монитором:

под ними что-то есть.

И это что-то большое.

Вечером Эстебан, Лаура и Мартин снова собрались в лабораторном контейнере.

На экране были открыты три окна:

изображение камеры;

георадар;

микросферулы под увеличением.

Три части одной невозможной картины.

Эстебан стоял у стола.

— Нам нужно решить, что мы пишем в первичном отчёте.

Мартин усмехнулся.

— “Мы нашли штуку, которая не должна существовать”.

Эстебан не оценил.

— Без шуток.

— Я почти не шутил.

Лаура сказала:

— В отчёте нельзя писать “металлический объект”, если мы не провели спектральный анализ.

Мартин повернулся к ней.

— Вы серьёзно?

— Да.

— Вы же сами видели.

— Видела. Но отчёт должен выдержать проверку.

Эстебан кивнул.

— Правильно.

Мартин развёл руками.

— Хорошо. Как назовём? Блестящая геологическая проблема?

Лаура подумала.

— Объект с высокой отражающей способностью.

Мартин посмотрел на Эстебана.

— Вот поэтому я не пишу отчёты.

Эстебан сказал:

— Внутреннее обозначение: Объект-400.

Лаура медленно повторила:

— Объект-400.

Мартин кивнул.

— Звучит как начало плохого военного эксперимента.

— Это не для красоты, — сказал Эстебан.

— А жаль.

Он подошёл к экрану.

— И всё же, доктор Альварес, мы оба понимаем: как бы вы это ни назвали, оно не станет менее невозможным.

Эстебан посмотрел на изображение.

Серебристая поверхность.

Тонкие линии.

Гладкость.

Никаких следов от бура.

— Я понимаю.

Лаура тихо сказала:

— Тогда нужно звонить Марку.

Эстебан закрыл глаза на секунду.

— Не сейчас.

— Сейчас.

— Лаура...

— Послушайте меня.

Она встала.

Усталость исчезла из её голоса.

Осталось только напряжение.

— Мы имеем две скважины на расстоянии почти пятьсот метров. Обе упираются в неизвестную поверхность на одинаковой глубине. Буровая головка оплавилась. Георадар показывает протяжённую структуру. В слоях рядом есть частицы, которые могут быть связаны с ударным событием конца мелового периода.

Она сделала паузу.

— Если мы ошибаемся, Марк скажет, где. Если не оши-

баемся...

Она не закончила.

Мартин тихо сказал:

— Тогда нам очень нужен кто-то, кто умеет говорить
“невозможно” академическим тоном.

Эстебан долго молчал.

Потом спросил:

— Он надёжен?

Лаура ответила сразу:

— Да.

— Он болтлив?

— Нет.

— Он поймёт, что нельзя писать письма, отправлять файлы и звонить кому попало?

— Да.

— Вы готовы отвечать за это?

Она выдержала его взгляд.

— Да.

Эстебан подошёл к окну.

За стеклом темнела Патагония.

Ветер гнал пыль вдоль контейнеров.

Вдалеке стояла буровая установка.

А под ней — на глубине четырёхсот метров — лежал Объект-400.

Он уже получил название.

И от этого стал реальнее.

Эстебан тихо сказал:

— Хорошо.

Лаура не сразу поняла.

— Что?

— Позвоните ему.

Мартин присвистнул.

— Гарвард вступает в игру.

Эстебан обернулся.

— Никаких файлов. Никаких фотографий. Только голо-
сом. Сначала общие данные. Без координат. Без названия
компании. Без изображения объекта.

Лаура кивнула.

— Поняла.

— И ещё.

Она остановилась у двери.

— Что?

Эстебан посмотрел на неё очень серьёзно.

— Если он решит, что мы ошиблись, мы забываем это как
самый дорогой позор в истории геологоразведки.

Мартин поднял палец.

— Очень хочу, чтобы это был позор. Честно.

Лаура тихо спросила:

— А если он решит, что мы не ошиблись?

Эстебан посмотрел на экран.

На серебристую поверхность.

На линии.

На глубину.

На слово **Объект-400** в верхнем углу отчёта.

— Тогда мы больше не сможем делать вид, что это просто наша проблема.

Поздно вечером Лаура вышла из лабораторного контейнера.

Ветер сразу ударил в лицо.

Небо над Патагонией было ясным.

Холодным.

Бесконечным.

Звёзды висели так ярко, будто их можно было пересчитать.

Она достала спутниковый телефон.

Пальцы немного дрожали.

Не от холода.

Она нашла контакт.

Mark Stevens.

Несколько секунд смотрела на имя.

Потом подняла глаза к небу.

К звёздам.

К пустоте.

И впервые за всё время подумала не о земле под ногами.

А о том, что могло прийти оттуда.

Сверху.

Из темноты между этими холодными точками света.

Лаура нажала вызов.

Гудок.

Второй.

Третий.

Потом сонный мужской голос на английском:

— Лаура?

Она закрыла глаза.

— Марк, мне нужна ваша помощь.

— Что случилось?

Лаура посмотрела на буровую.

На землю.

На место, где в глубине лежало то, что они пока называли
Объект-400.

— Я не могу объяснить по телефону.

Пауза.

— Тогда зачем звоните?

Она медленно выдохнула.

— Потому что, если мы правы, это может оказаться самой
важной геологической находкой в истории.

На другом конце стало тихо.

Очень тихо.

Потом голос Марка изменился.

Сон исчез.

— Лаура.

— Да?

— Что вы нашли?

Она открыла глаза.

Ветер гнал пыль по тёмной земле.

Внизу, под четырьмястами метрами пород, серебристая поверхность молчала.

Лаура ответила не сразу.

Потом сказала:

— Объект.

— Какой объект?

Она посмотрела на звёзды.

— Тот, которого не должно быть.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОФЕССОР

Лаура стояла снаружи лабораторного контейнера, прижимая спутниковый телефон к уху.

Ветер бил в лицо.

Ночь над Патагонией была ясной и ледяной.

Над лагерем висели звёзды.

Слишком яркие.

Слишком холодные.

Словно небо находилось ближе, чем обычно.

В трубке некоторое время слышалось только сухое потрескивание спутниковой связи.

Потом Марк Стивенс спросил:

— Повтори последнюю фразу.

Лаура закрыла глаза.

— Мы нашли объект.

— Какой объект?

Она посмотрела на буровую.

На прожекторы.

На тёмную землю вокруг.

На место, где под четырьмястами метрами пород лежала

гладкая серебристая поверхность.

— Тот, которого там быть не должно.

На другом конце линии Марк не ответил сразу.

Лаура знала его достаточно хорошо.

Он не был человеком, который начинал с громких вопросов.

Не бросался словами.

Не любил сенсаций.

Именно поэтому она ему и позвонила.

Наконец он сказал:

— Лаура, сейчас три часа ночи.

— У вас или у меня?

— У меня. И это не делает разговор менее странным.

Она впервые за последние часы почти улыбнулась.

— Простите.

— Не извиняйся. Просто объясни.

Лаура повернулась спиной к ветру.

— Мы ведём бурение в южной Патагонии. Геологоразведка. Глубокие пласты. Всё стандартно.

— Насколько глубокие?

— Четыреста метров.

— И?

— На этой глубине бур остановился.

— Скальный слой?

— Нет.

— Почему нет?

Она посмотрела на лабораторный контейнер.

За матовым окном виднелись силуэты Эстебана и Мартина.

— Потому что наконечник оплавился.

В трубке снова остался только треск связи.

Потом Марк спросил уже совсем другим голосом:

— Оплавился?

— Да.

— Температура?

— Первый раз около девятисот градусов. Во второй скважине — девятьсот тринадцать.

— Во второй?

— Мы пробурили ещё одну скважину почти в пятистах метрах западнее.

— И получили тот же результат?

— Та же глубина. Тот же удар. Тот же скачок температуры. Теперь Марк молчал дольше.

Лаура слышала собственное дыхание.

Слышала ветер.

Слышала, как где-то за контейнерами скрипит металл буровой.

Потом Марк тихо спросил:

— Ты понимаешь, как это звучит?

— Именно поэтому я звоню вам, а не пишу отчёт.

— Хорошо. Продолжай.

— Мы опустили камеру.

— И?

Лаура медленно выдохнула.

— Там не порода.

— А что?

— Гладкая серебристая поверхность. Почти зеркальная.

Без повреждений. Без следов от бура. С тонкими правильными линиями.

Марк ничего не сказал.

— Марк?

— Я здесь.

— Вы мне не верите.

— Я пока не понимаю, чему именно должен верить.

Она сжала телефон сильнее.

— Я бы сказала то же самое.

— Есть запись?

— Да.

— Отправь.

— Нет.

— Почему?

Лаура посмотрела на закрытую дверь лаборатории.

— Потому что Эстебан запретил любые передачи. Никаких файлов. Никаких облаков. Никаких сообщений. Только голосом.

Марк тихо хмыкнул.

— Умный человек.

— Он старается.

— Кто он?

— Руководитель проекта. Доктор Эстебан Альварес.

— Геолог?

— Да.

— Хороший?

— Очень.

— Паникёр?

— Нет.

— Тогда почему он разрешил тебе позвонить мне?

Лаура помолчала.

— Потому что мы нашли микросферулы.

На другом конце линии стало совсем тихо.

Не просто пауза.

Пустота.

Потом Марк спросил медленно:

— Какие микросферулы?

— Стекловидные. В керне рядом со слоем. Нужен нормальный анализ, но предварительно они похожи на продукты ударного события.

— Глубина?

— Вблизи отметки объекта.

— Стратиграфия?

— Предварительно древняя. Очень древняя.

— Насколько?

Лаура подняла глаза к звёздам.

Сказать это вслух оказалось труднее, чем она думала.

— Возможно, граница мелового и палеогенового периода.

Марк не ответил.

— Марк?

— Я слышу.

— Скажите что-нибудь.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что, если я скажу первое, что думаю, ты решишь, что я сошёл с ума.

Лаура нервно усмехнулась.

— Поздно. Мы все уже там.

Марк заговорил тише:

— Лаура, ты сейчас говоришь мне, что под слоем, который может относиться ко времени Чиксулуба, лежит неизвестная гладкая металлическая структура, протяжённая минимум на пятьсот метров.

Она закрыла глаза.

— Да.

— И поверхность не повреждена буром?

— Да.

— И оба раза контакт произошёл на одной глубине?

— Да.

— И георадар показывает продолжение структуры?

— Да.

Марк долго молчал.

Потом сказал:

— Я не могу оценить это по телефону.

— Я знаю.

— Мне нужны данные.

— Я знаю.

— КERN. Записи бурения. Температурные графики. Гео-
радар. Видео со скважины. Координаты. Геологическая карта
района.

— Всё есть.

— Кто ещё знает?

Лаура оглянулась на лагерь.

Рабочие контейнеры.

Прожекторы.

Буровую.

Молчаливую технику.

Людей, которые видели слишком много, но пока не понимали, насколько много.

— Небольшая группа.

— Руководство компании?

— Пока нет.

— Государство?

— Нет.

— Пресса?

— Нет.

Марк резко сказал:

— Так и должно остаться.

Она удивилась тону.

— Вы мне верите?

— Нет.

— Тогда почему?

— Потому что, если ты ошибаешься, лишняя огласка уничтожит вашу карьеру. Если не ошибаешься — она уничтожит всё остальное.

Лаура молчала.

Ветер стал тише.

И от этого ночь показалась ещё глубже.

— Вы приедете? — спросила она.

Марк ответил не сразу.

— Где вы?

— Пока не могу сказать.

— Лаура.

— Марк, вы сами сказали: никакой огласки. Я должна быть осторожна.

— Хорошо. Страна?

— Аргентина.

— Это я уже понял.

— Южная Патагония.

— Ближайший город?

Она помедлила.

— Эль-Калафате. Дальше вертолётom.

Марк тихо выругался по-английски.

— Когда?

— Как можно быстрее.

— Ты понимаешь, что я не могу просто исчезнуть из Гарварда и улететь в Аргентину из-за телефонного разговора о невозможном объекте под землёй?

— Можете.

— Почему?

— Потому что вы уже решили.

После этого в трубке стало слышно только его дыхание.

Потом Марк тихо усмехнулся.

— Ты стала слишком хорошо меня знать.

— Это да?

— Это значит, что я хочу поговорить с вашим Эстебаном.

Лаура вернулась в лабораторный контейнер через несколько минут.

Щёки горели от холода.

Пальцы почти не слушались.

Внутри пахло кофе, разогретым пластиком и усталостью.

Эстебан стоял у стола, склонившись над картой.

Мартин сидел рядом с монитором, на котором всё ещё было открыто изображение серебристой поверхности.

Он поднял голову.

— Ну что? Гарвард послал нас к психиатру?

Лаура сняла перчатки.

— Пока нет.

Эстебан посмотрел на неё.

— Он на линии?

— Да. Хочет говорить с вами.

Мартин сразу оживился.

— Включайте громкую связь. Я хочу услышать, как профессор из Гарварда скажет, что мы все идиоты.

Эстебан взял телефон.

— Доктор Стивенс?

— Доктор Альварес?

Голос Марка звучал уже иначе.

Сон исчез окончательно.

— Да.

— Лаура рассказала мне достаточно, чтобы я понял две вещи.

— Какие?

— Первая: либо у вас грубая ошибка в данных.

Мартин тихо пробормотал:

— Мне нравится начало.

— Вторая, — продолжил Марк, — если ошибки нет, вы столкнулись с находкой, масштаба которой пока не понимаете.

Эстебан посмотрел на Лауру.

Потом на экран.

— Мы понимаем достаточно, чтобы остановить бурение.

— Хорошо.

— И ограничить распространение данных.

— Ещё лучше.

— Вы верите в возможность искусственного происхождения?

Марк не ответил сразу.

— Я верю в то, что природа умеет создавать формы, которые кажутся искусственными. Но природа не любит идеально повторяющиеся технологические признаки. Она не плавит буровую головку и не оставляет после этого зеркальную поверхность без повреждений.

Мартин поднял палец.

— Можно я его уже люблю?

Эстебан бросил на него взгляд.

Мартин замолчал.

Марк продолжил:

— Мне нужно видеть всё лично.

— Вы можете прилететь?

— Да. Но неофициально.

— Объясните.

— Никаких университетских запросов. Никаких писем. Никакого упоминания Гарварда в документах компании. Я прилечу как частное лицо, приглашённое для консультации по геологической аномалии.

Эстебан кивнул.

— Это разумно.

— Также мне нужны гарантии, что данные не уйдут в центральный офис до моего прибытия.

Эстебан чуть прищурился.

— Вы ставите условия?

— Да.

— На каком основании?

— На основании того, что через двадцать четыре часа, возможно, вы сами будете благодарны, что не отправили фотографии по корпоративной почте.

Мартин тихо сказал:

— Он мне всё больше нравится.

Эстебан проигнорировал его.

— Я не могу бесконечно скрывать информацию от компании.

— Бесконечно не нужно. Мне нужно время долететь.

— Сколько?

— Если найду рейс — завтра вылетаю в Буэнос-Айрес. Оттуда в Эль-Калафате. Дальше вы меня заберёте.

Лаура сказала:

— Я организую.

Эстебан всё ещё смотрел на телефон.

— Доктор Стивенс, я должен спросить прямо.

— Спрашивайте.

— Насколько серьёзно вы воспринимаете этот звонок?

В динамике тихо потрескивала связь.

Потом Марк сказал:

— Достаточно серьёзно, чтобы не спать оставшуюся часть ночи.

Эстебан медленно кивнул.

— Хорошо.

— И ещё, доктор Альварес.

— Да?

Голос Марка стал ниже.

— До моего приезда не пытайтесь пробить поверхность.

Эстебан посмотрел на расплавленную буровую головку.

— Мы уже поняли.

— Нет, — сказал Марк. — Вы поняли, что это опасно для оборудования. Я говорю о другом.

— О чём?

— Если это искусственный объект, которому действительно десятки миллионов лет, вы не знаете, что защищает его поверхность. Вы не знаете, что может произойти при повторном воздействии. И вы не знаете, что находится внутри.

В контейнере больше никто не двигался.

Даже Мартин перестал барабанить пальцами по столу.

Эстебан спросил:

— Вы считаете, что объект может быть опасен?

— Я считаю, что слово «безопасно» здесь пока не имеет права существовать.

Лаура почувствовала, как по спине прошёл холод.

Не от ветра.

— Я прилечу, — сказал Марк. — А до тех пор — только наблюдение. Никаких новых ударов. Никаких попыток вскрытия. Никаких широких отчётов.

Эстебан ответил:

— Принято.

Связь оборвалась не сразу.

Линия ещё несколько секунд потрескивала.

Потом Марк добавил:

— И, Лаура.

Она подошла ближе.

— Да?

— Ты сказала, что объект не должен существовать.

— Да.

— Будем надеяться, что ты ошиблась.

Линия щёлкнула.

Связь прервалась.

Некоторое время в лаборатории слышался только гул генератора за стеной.

На мониторе всё ещё была серебристая поверхность.

Тонкие линии на ней казались теперь ещё более неправильными.

До разговора с Марком это было странным изображением.

После разговора — почти предупреждением.

Мартин первым нарушил молчание:

— Ну что ж.

Он поднялся.

— Хорошая новость: профессор из Гарварда не назвал нас идиотами.

Лаура посмотрела на него.

— А плохая?

Мартин кивнул на экран.

— По-моему, он испугался сильнее нас.

Эстебан подошёл к монитору и выключил изображение.

Экран погас.

В контейнере стало темнее.

— До приезда профессора бурение остановить полностью.

Мартин кивнул.

— Сделаю.

— Все данные — только на локальных носителях. Доступ у нас троих и старшего техника.

— Понял.

— Рабочим — техническая аномалия.

— Уже репетирую.

Эстебан посмотрел на Лауру.

— Вы отвечаете за связь с Марком. Маршрут, время прибытия, вертолёт.

— Хорошо.

Он хотел сказать ещё что-то, но замолчал.

Лаура заметила.

— Что?

Эстебан медленно сел на стул.

Впервые за весь день он выглядел усталым.

По-настоящему.

— Когда я начинал эту работу, — сказал он, — я думал, что худшее, что может случиться, — это авария, провал про-

екта или отчёт, который не понравится совету директоров.

Мартин усмехнулся.

— Милые времена.

Эстебан не улыбнулся.

— А теперь я не знаю, кому вообще принадлежит то, что мы нашли.

Лаура тихо сказала:

— Пока никому.

Он поднял на неё глаза.

— Нет.

Он посмотрел в сторону выключенного монитора.

— Пока оно принадлежит земле.

Эта фраза изменила воздух в контейнере.

До звонка всё ещё можно было считать объект внутренней проблемой лагеря.

Ошибкой.

Аномалией.

Станным изображением.

После звонка у проблемы появился свидетель.

И этот свидетель уже летел к ним.

За стенами контейнера снова поднялся ветер.

Он прошёл по лагерю низким гулом.

Буровая установка стояла неподвижно.

Но теперь её неподвижность казалась не покоем.

А ожиданием.

Утро пришло серым.

Без солнца.

Небо низко висело над долиной, будто тяжёлая крышка.

Рабочие быстро поняли, что бурение не возобновят.

Официальное объяснение приняли без особого энтузиазма, но и без открытого сопротивления.

Техническая аномалия.

Риск перегрева.

Проверка оборудования.

Дополнительные геологические измерения.

Эти слова звучали скучно.

Именно поэтому работали.

Скучные объяснения люди редко обсуждают долго.

Но в лагере всё равно чувствовалось напряжение.

Те, кто видел запись камеры, говорили меньше обычного.

Те, кто не видел, задавали слишком много вопросов.

Мартин ходил между рабочими и раздавал указания с таким видом, будто всё происходящее раздражает его исключительно с инженерной точки зрения.

— Нет, бурить не будем.

— Почему?

— Потому что я так сказал.

— А доктор Альварес?

— Он сказал раньше меня, но я сказал громче.

Этого обычно хватало.

Лаура из окна лаборатории смотрела, как Эстебан разговаривает со старшим буровым мастером.

Он держался спокойно.

Но теперь она знала: это спокойствие стоит ему усилий.

На столе перед ней лежал список рейсов.

Бостон.

Майами.

Буэнос-Айрес.

Эль-Калафате.

Потом вертолёт.

Потом ещё несколько часов через пустоту Патагонии.

Марк должен был прибыть через день.

Если не будет задержек.

Если погода позволит.

Если он не передумает.

Она поймала себя на мысли, что боится не того, что он не придет.

А того, что придет.

Потому что тогда их маленькая внутренняя тайна станет чем-то большим.

Научной проблемой.

Корпоративным риском.

Возможно — государственной тайной.

А может быть, и чем-то ещё.

Она снова включила изображение поверхности.

Серебристый блеск появился на экране.

Лаура долго смотрела на него.

Потом увеличила участок с тонкими линиями.

Они казались почти геометрическими.

Почти осмысленными.

Почти намеренными.

Она знала: слово «почти» сейчас спасает их от безумия.

Пока почти.

Не доказано.

Не подтверждено.

Не названо.

Она тихо произнесла:

— Кто вы?

Экран молчал.

Но почему-то ей показалось, что вопрос прозвучал слишком громко.

Вечером Эстебан нашёл её у буровой.

Работы там не велись.

Машина стояла неподвижно, тёмная на фоне серого неба.

Лаура смотрела на закрытую скважину.

— Он вылетел, — сказала она, не оборачиваясь.

— Марк?

— Да. Бостон — Майами — Буэнос-Айрес. Потом Эль-Калафате.

Эстебан встал рядом.

— Хорошо.

Некоторое время они молчали.

Под ногами была промёрзшая земля.

Где-то далеко кричала птица.

Ветер стал слабее, но холоднее.

— Вы жалеете, что разрешили позвонить? — спросила Лаура.

Эстебан не сразу ответил.

— Нет.

— Почему?

— Потому что теперь это уже не вопрос доверия к нашим глазам.

Он посмотрел на буровую.

— Теперь нужен человек, который скажет нам, где мы ошиблись.

— А если не скажет?

— Тогда он скажет, насколько всё плохо.

Лаура усмехнулась.

— Вы всегда умеете поддержать.

— Я геолог.

— Оптимист только на собеседованиях?

— Именно.

Они оба посмотрели на землю.

Четыреста метров.

Всего четыреста.

В человеческом масштабе — глубоко.

В масштабе планеты — почти поверхность.

И там лежало нечто, что уже изменило их дыхание, их голоса, их взгляды друг на друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.